

Д. Б. Шелов

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА ЛЕВКОНА II

Выход в свет работы товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой, в числе других проблем, исследуются экономические законы, общие для ряда формаций, заставляет историков античного мира особенно внимательно отнестись к вопросам экономического развития античных государств. Важнейшей задачей в этой области является изучение товарного производства в древности и связанных с ним товарного и денежного обращения. Изучение вопросов денежного обращения и монетной чеканки занимает значительное место в исследовании истории экономической жизни рабовладельческих государств.

«Денежное хозяйство», неотделимое от товарного обращения, является очень верным показателем развития этого товарного обращения и всей экономики государства в целом. Это тем более верно, что денежное обращение очень чутко реагирует на всякие экономические потрясения и благодаря этому может служить хорошим критерием при изучении отдельных явлений хозяйственной жизни общества. Роль нумизматического материала в изучении экономической истории античных рабовладельческих государств Северного Причерноморья, и в первую очередь Боспора, особенно велика, во-первых, потому, что торговля и товарное производство достигли здесь весьма высокой для рабовладельческого общества степени развития и занимали значительное место во всей экономической жизни этих государств; во-вторых, потому, что те сведения об экономическом развитии государств Северного Причерноморья, которые дает нам античная традиция, являются чрезвычайно фрагментарными и сами по себе обычно совершенно недостаточны для восстановления картины хозяйственной жизни в Северном Причерноморье. При таких условиях материал нумизматический, равно как и археологический, становится важнейшим источником наших представлений об этой жизни, особенно относительно тех периодов истории Северного Причерноморья, которые нашли меньшее отражение в письменных источниках. История Боспора в III в. до н. э. относится именно к таким плохо освещенным письменными свидетельствами разделам истории Северного Причерноморья. Известия греческих авторов для этого времени весьма скудны и отрывочны, надписи тоже не дают столь обильного и разнообразного материала, как для IV в. до н. э. Поэтому каждый нумизматический факт, в какой-то мере проливающий свет на экономическое и политическое развитие Боспора этого времени, приобретает большое значение и, будучи сопоставлен с другими данными нумизматики, археологии, эпиграфики и т. д., должен учитываться при воссоздании истории Боспора этого времени.

До последнего времени почти совсем не была изучена и боспорская монетная чеканка III в. до н. э. В вышедшем недавно труде А. Н. Зографа «Античные монеты» дан сжатый обзор всех перипетий монетного дела на Боспоре в III в. до н. э. А. Н. Зографом и Е. О. Прушевской опубликованы два клада пантикапейских монет из Мирмекии и Анапы, проливающие свет на состояние денежного обращения Боспора в эту эпоху¹. Работа по определению и систематизации боспорских монет III в., сделанная А. Н. Зографом, позволяет теперь более или менее свободно оперировать с теми нумизматическими фактами, которые до недавнего времени были совершенно неизвестны. В частности, А. Н. Зограф дал краткую характеристику мероприятий боспорского правителя Левкона II в области монетной чеканки². Эти мероприятия смело можно назвать денежной реформой. Задачей настоящей статьи, автор которой разделяет предположения и выводы А. Н. Зографа по этому частному вопросу, является более подробное, чем мог это сделать покойный нумизмат, освещение основных моментов мероприятий Левкона II в области денежного обращения.

О Левконе II известно пока очень мало. Даже время правления его можно лишь приблизительно обозначить третьей четвертью III в. до н. э. Имя этого царя только один раз упоминается в надписи, да и то лишь в качестве имени члена царской семьи, а не царя (IOSPE, II, 15). Недавно В. Ф. Гайдукевичем было опубликовано черепичное клеймо с именем ΛΕΥΚΩΝΟΣ, очевидно, относящимся к этому же правителю³. Наконец, известны три типа медных монет с надписью βασιλεως Λευκωνος, которые безусловно должны быть приписаны именно Левкону II. Эти монеты много раз служили предметом исследования, причем их относили то к одному, то к другому, иногда одновременно к нескольким правителям этого имени⁴. В настоящее время все исследователи признают, что все три типа монет принадлежат одному боспорскому царю, правившему во второй половине III в. до н. э., т. е. Левкону II⁵. К разбору этих монет Левкона II мы вернемся ниже.

Из свидетельств античных авторов к Левкону II относят обычно только краткую заметку Овидия (Ibis, 309) и комментарии его схолиастов⁶. Однако нам представляется, что Левкона II следует подразумевать и в тех рассказах Полиена, которые связывают обычно с Левконом I⁷. Среди этих рассказов имеется один, который в анекдотической форме повествует о денежной реформе боспорского царя. Согласно этому рассказу, Левкон, пугаясь в деньгах, собрал всю монету, находившуюся в обращении, и выпустил ее в обращение вновь, поставив на каждой монете двойную против прежней стоимость (Polyaen., Strateg., VI, 9, 1). Новеллу эту, как и все рассказы Полиена о Левконе, подавляющее большинство исследователей связывает с Левконом I.

¹ А. Н. Зограф, Мирмекийский клад монет III в. до н. э., найденный в 1934 г., МНА, IV (1941); Е. О. Прушевская, Анапский клад пантикапейских медных монет, ТОИГЭ, I (1945).

² А. Н. Зограф, Античные монеты, МНА, XVI (1951), стр. 182.

³ В. Ф. Гайдукевич, РСНМР, XVII, стр. 22—23; ср. Е. М. Придик, МНА, IV, стр. 193, № 202.

⁴ См. А. М. Podschivalow, Monnaies des rois du Bosphore Cimmérien, Moscou, 1887, табл. А = 300, XV (1889), стр. 38—39.

⁵ В. В. Латышев, Повтих, СПб., 1909, стр. 90; М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 203 (нем. изд., стр. 156); В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 580; А. Н. Зограф, Античные монеты, стр. 182.

⁶ В. В. Латышев, ук. соч., стр. 86; М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 139 (нем. изд., стр. 125); ср. ВДИ, 1949, № 1, стр. 244.

⁷ См. об этом Д. Б. Шелов, Феодосия, Спартокиды и Гераклея, ВДИ, 1950, № 3, стр. 172 сл.; о Левконе II говорит, вероятно, и Афиней (VI, 71).

Только С. А. Жебелев относит события, описанные Полиеном, ко времени Перисада I¹. Мнение Жебелева основано на явном недоразумении: он относит ко второй половине IV в. введение на Боспоре чеканки золотых статеров и переход к серебряной чеканке от эгинского весового стандарта к аттическому (ук. соч., стр. 666) и считает, что именно эти мероприятия отразились в рассказе Полиена. Все это построение не выдерживает критики. Введение золотой чеканки в Пантикапее, как доказал А. Н. Зограф (ук. соч., стр. 173), относится не ко второй половине IV в. до н. э., а еще ко второй четверти этого столетия, первые же боспорские выпуски серебра, битого по аттической системе, датируются уже второй половиной III в. до н. э. (там же, стр. 180). Что касается интересующей нас новеллы Полиена, то в ней совершенно ясно говорится о наложении нового клейма на монету, уже находившуюся в обращении, а не о выпуске новой монеты по новой весовой системе. Для такого понимания текста Полиена нет решительно никаких оснований.

Однако нельзя согласиться и с мнением тех исследователей (а таких большинство), которые относят указанную стратегию Полиена к Левкону I. Никто из них никогда не разбирал специально данной новеллы. Ее относят к Левкону I только потому, что все рассказы о Левконе из VI книги Полиена (VI, 9, 1—4) возводятся к этому боспорскому правителю². При этом только М. И. Ростовцев дает обоснование такой атрибуции всех этих новелл, остальные же исследователи ничем не пытаются подтвердить свою точку зрения. Что касается М. И. Ростовцева, то единственным его аргументом является упоминание в новеллах Полиена о борьбе Левкона против Гераклеи, которая, по его мнению, может относиться только ко времени завоевания Феодосии Левконом I³. В другой работе автора настоящей статьи уже указывалось, что вся та обстановка, которая сложилась, судя по рассказам Полиена, на Боспоре во время войны с Гераклеей, совершенно не характерна для времени Левкона I, что Гераклея Понтийская, как установила В. П. Дзагурова, не могла в начале IV в. отправить против Боспора большой флот, о котором идет речь у Полиена и Псевдо-Аристотеля, что образ Левкона I у Полиена резко противоречит тому, что рассказывают о Левконе I другие источники (ВДИ, 1950, № 3, стр. 172—173). Последнее обстоятельство Ростовцев (ук. соч., стр. 135) объясняет тем, что источником Полиена в этих рассказах является традиция, отличная от официальной боспорской историографии и восходящая к Дурису. Однако с этим мнением согласиться невозможно. Сам же Ростовцев убедительно доказал, что к Дурису следует возводить источники Полиена в рассказах о Тиргатае, о Мемноне, о Перисаде (ук. соч., стр. 129 сл.), но новеллы о Левконе из VI книги стратегем резко отличны от упомянутых рассказов, восходящих к Дурису, они гораздо менее определены и индивидуальны, в них не проявляется одна из «характерных черт Дуриса» — «любовь к яркому описанию внешности исторических событий». Сам Ростовцев отмечает, что отсутствие индивидуальных характеристик и хронологических указаний говорит за то, что «заметки о Левконе взяты Полиеном не непосредственно из первоисточника, а из какого-либо сборника

¹ С. А. Жебелев, Основные линии экономического развития Боспорского государства, ИАН ООН, 1934, № 9, стр. 668.

² В. В. Латышев, Пантика, СПб., 1909, стр. 76; Брандис в RE, III, стр. 764; Э. Штерн, Феодосия и ее керамика, Одесса, 1909, стр. 9—10; М. Еберт, Südrussland in Altertum, Bonn — Lpz., 1921, стр. 245; М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 135; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 498; Д. П. Каллистов, Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, Л., 1949, стр. 213.

³ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 135; тот же довод повторяет и В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 498.

рассказов, где они уже утратили свою историческую индивидуальность» (там же, стр. 134). Все это, как нам кажется, говорит против гипотезы Ростовцева о происхождении этих четырех новелл VI книги от Дуриса, а следовательно, и против его объяснения трактовки в них образа Левкона. Разбираемые новеллы гораздо ближе стоят к заметке Овидия (Ibis, 309) и его схолиастов, которую все исследователи относят к Левкону II. Характер этой последней заметки, возводимой Ростовцевым к Филарху, очень типичен для эллинистической историографии, в духе которой составлены и все четыре рассказа Полиена о Левконе. Правда, нельзя с уверенностью сказать, что рассказы Полиена восходят к тому же источнику, т. е. Филарху, но во всяком случае они очень близки к нему и по общей направленности и по трактовке событий и, вероятно, принадлежат к тому же кругу эллинистической историографии. Относительно других соображений, по которым все рассказы Полиена о Левконе должны быть отнесены к Левкону II, уже говорилось в указанной выше статье о Феодосии, Геракле и Спартокидах.

Следует, однако, особо разобрать и ту новеллу Полиена, в которой говорится о перчеканке Левконом монеты и которая почему-то никогда не привлекала к себе внимания нумизматов. Даже А. Н. Зограф в своей истории боспорской чеканки не остановился на этом свидетельстве Полиена. Между тем объяснить это свидетельство и попытаться связать его с известными фактами боспорского монетного дела представляется необходимым. Прежде всего — о каком Левконе идет речь в этой новелле Полиена? Уже сделанные выше общие замечания заставляют видеть в Левконе этого рассказа, как и других рассказов этой книги, Левкона II. Но, кроме того, и в самом рассказе содержатся такие данные, которые ни в коем случае не позволяют связать его с именем Левкона I, если только не предположить, для чего нет достаточных оснований, что рассказ этот выдуман от начала до конца. Дело в том, что весь IV век, в том числе и время правления Левкона I, характеризуется чрезвычайно устойчивым денежным обращением, основанным на серебре. Никаких перчеканенных монет IV в. неизвестно¹. Мероприятие, описываемое Полиеном, — перчеканка монеты с целью изменения (или подтверждения) ее курса, могло быть проведено только по отношению к медной монете, как монете неполноценной, курс которой в значительной степени условен. Монета золотая или серебряная, котирувавшаяся на денежном рынке в зависимости от количества реально содержащегося в ней драгоценного металла, естественно не могла послужить материалом для подобной операции. Более того, подобная перчеканка и медной монеты могла иметь место только при том условии, что полноценная монета, золотая и серебряная, в это время не выпускалась, иначе все это мероприятие не имело бы никакого смысла. Учитывая все это, приходится решительно отвергнуть возможность подобной операции во времена Левкона I. Медные монеты, очень мелкие и в очень небольшом количестве, были выпущены только в самые первые годы правления этого царя, еще в первой четверти IV в. до н. э.² Монетки эти, явившиеся первым выпуском меди на Боспоре, никакой самостоятельной роли в денежном обращении играть не могли, будучи лишь мельчайшими разменными номиналами в одновременной серии серебра. Они очень быстро исчезли из обращения и никогда никакой перчеканке не подвергались. В дальнейшем при Левконе I медная монета вовсе не чеканилась,

¹ Уже Минн совершенно правильно отметил, что стиль боспорских монет, подергавшихся перчеканкам, заставляет относить рассказ Полиена к позднему Левкону (E. Minn, *Scythians and Greeks*, Cambridge, 1913, стр. 576).

² А. Н. Зограф, *Античные монеты*, стр. 172.

и денежное обращение Боспора до 30-х годов IV в. составлялось только из золота и серебра¹.

Эпизод, рассказанный Полиеном, еще и потому не может относиться к Левкону I, что как раз для его правления характерно чрезвычайное богатство спартокидовской казны драгоценными металлами, позволившее Левкону I начать и бесперебойно осуществлять выпуск замечательных пантикапейских золотых статеров². Реформа, описанная Полиеном, в таких условиях была бы немыслима. Таким образом, следует решительно отказаться от идентификации Левкона указанной новеллы Полиена с Левконом I.

Совершенно иную картину дает изучение нумизматического материала времени правления Левкона II. Правление этого царя, падающее на третью четверть III в. до н. э., началось в обстановке жесточайшего денежного кризиса, которым характеризуется состояние всех боспорских финансов в течение первой половины III в. до н. э. В рамках настоящей статьи невозможно входить в рассмотрение причин этого кризиса, здесь достаточно напомнить лишь некоторые основные черты его, установленные А. Н. Зографом. Уже с самого начала III в. прекратилась всякая чеканка золота и серебра на Боспоре. В течение всей первой половины века пантикапейский монетный двор непрерывно выпускает в огромном количестве медную монету. Для этой чеканки характерны стилистическая и техническая небрежность, объясняющаяся спешностью выпусков, быстрое падение веса номинала в серии, обилие перечеканок и надчеканок, таких же небрежных, как и первоначальная чеканка. Только что выпущенная в обращение медная монета тотчас же обесценивалась и приходилось неоднократно подтверждать ее курс путем наложения надчеканок. На протяжении первой половины III в. несколько раз делались попытки восстановить устойчивость денежного обращения путем выпуска новых серий монет с новыми типами. Но и эти выпуски очень скоро подвергались участи своих предшественников — обесценивались и подвергались перечеканке³.

К третьей четверти III в. до н. э. боспорский денежный рынок в результате кризиса находился в самом плачевном состоянии. Для того чтобы восстановить нормальное обращение, нужны были какие-то экстраординарные меры. Наиболее радикальным средством было бы возобновление чеканки золотой или серебряной монеты и резкое сокращение выпуска меди, но, повидимому, Левкон II не располагал нужным для этого количеством драгоценного металла. Поэтому он вынужден был пойти по другому пути: он впервые в истории Боспора предпринимает выпуск монеты от имени царя.

До этого времени вся боспорская чеканка производилась только от имени городских общин. Хотя Александр Македонский и представители эллинистических династий сумели уже приучить весь эллинистический мир к царской монете, на Боспоре до второй половины III в. продолжали строго при-

¹ А. Н. Зограф полагал (там же, стр. 171), что медная монета, выпуск которой начался на Боспоре в первой четверти IV в. до н. э., «затем выпускается непрерывно до конца боспорской чеканки». Однако сопоставление некоторых медных монет IV в. до н. э. с соответствующими выпусками золотых статеров заставляет датировать их несколько более поздним временем, чем это делал А. Н. Зограф. В пантикапейской чеканке отсутствует медная монета, синхронная первому и второму выпуску золота, т. е. относящаяся примерно к 375—340 гг. до н. э. Вопрос этот подробно будет разобран в подготовляемой автором работе о денежном обращении IV в. до н. э.

² А. Н. Зограф, *Античные монеты*, стр. 175.

³ Общая характеристика денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н. э. дана А. Н. Зографом в его работах «Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг.», МИА, IV (1941), стр. 159 сл. и «Античные монеты», стр. 177 сл.

существовать старой традиции автономной чеканки. Заметим кстати, что после Левкона II вплоть до времени Митридата VI и его преемников на Боспоре продолжает господствовать именно автономная городская чеканка. Монеты боспорских правителей конца III и II вв. до н. э. (Гигиевонта, Спартока, нескольких Перисадов) не являлись монетами в полном смысле этого слова, так как не предназначались для обращения, а имели лишь донативное назначение¹. Таким образом, серия медных монет Левкона II выпадает из всего развития монетного дела Боспора домитридатовского времени, являясь единственным выпуском царской монеты, предназначенной для рыночного обращения.

Совершенно очевидно, что этот беспрецедентный на Боспоре эпизод был вызван к жизни какими-то чрезвычайными обстоятельствами и имел определенное целевое направление. Ввиду того состояния боспорских финансов, которое было налицо к моменту воцарения Левкона II и о котором говорилось выше, представляется весьма убедительным предположение А. Н. Зографа (там же, стр. 182) о связи этого первого на Боспоре опыта царской чеканки со стремлением выйти из денежного кризиса. Этот выпуск монеты, подтвержденный авторитетом боспорского правителя, таким образом, противопоставлялся деградированной городской меди, удерживать которую от дальнейшего обесценивания правительство было не в состоянии. Предположение это еще выиграет в убедительности, если вспомнить, что в III в. на Боспоре хорошо были известны золотые статеры александровских и лисимаховских типов, выпущенные от имени этих царей и являвшиеся чрезвычайно устойчивой валютой. Имея их перед глазами, Левкон II мог надеяться, что и его монета, хотя — по необходимости — и медная, снабженная царским именем, избежит того обесценивания, которому в то время подвергалась городская медь. С этим связано, вероятно, и заимствование Левконом для своей чеканки типов александровских монет.

Серия монет Левкона II включает в себя три номинала меди. Наибольший из них на лицевой стороне имеет изображение безбородой головы Геракла в львиной шкуре вправо, на оборотной — лук и палицу². Следующий номинал украшен изображением головы Афины в коринфском шлеме вправо, на обороте — молния³. Младший номинал серии имеет на лицевой стороне изображение овального щита, на оборотной — меча-акинака⁴. Надпись на всех монетах ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ. Все монеты серии чеканены на плотных, довольно толстых кружках; скошенный гурт и некоторая небрежность и расплывчатость изображений сближают их с городскими антикапейскими монетами середины III в.; но отсутствие следов литников по краям монет (кроме монет младшего номинала), свидетельствующее об индивидуальной чеканке каждой из них, полный вес и отсутствие надчеканок указывают на сравнительно спокойный темп работы монетного двора.

А. Н. Зограф отметил, что типы лицевых сторон обоих больших номиналов «не только в тематическом, но и в стилистическом отношении повторяют соответственно типы серебряных тетрадрахм и золотых статеров Александра Македонского»⁵. Типы оборотных сторон этих монет обычны для боспорской нумизматики. Тем более интересны изображения на младшем номинале серии, которые не находят себе аналогии в боспорской чеканке вплоть до I в. н. э., когда изображение царского оружия на монетах ста-

¹ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, стр. 183.

² Зограф, *ук. соч.*, табл. XLII, 15; П. О. Бурачков, *Общий каталог монет*, Одесса, 1884, табл. XXIV, 1—3.

³ Зограф, *ук. соч.*, табл. XLII, 16; Бурачков, *ук. соч.*, табл. XXIV, 8, 9.

⁴ Зограф, *ук. соч.*, табл. XLII, 17; Бурачков, *ук. соч.*, табл. XXIV, 10.

⁵ Зограф, *ук. соч.*, стр. 182.

новится обычным. Правда, в монетной типологии Боспора III—II вв. до н. э. очень часто встречается изображение лука и стрелы или лука в колчане, но эти изображения вряд ли имеют какое-либо специфически военное значение — их нужно связывать, скорее всего, с культом Аполлона, столь значительно развитым на Боспоре, а может быть, и с культом Геракла. Никакие другие виды оружия на монетах боспорских городов автономной эпохи никогда не встречаются.

Между тем изображения на разбираемых небольших монетах Левкона II не могут быть связаны с каким-либо культом и имеют совершенно явно выраженный военный характер. Этот военный характер типов левконовских монет особенно ясно подчеркивается позднейшими аналогиями — монетами боспорских царей конца I в. н. э., на которых изображение тех же шитов мечей, копий и т. п. сопровождается надписью: *τετραὶ βασιλέως Εὐζκοπορίδος* (или ...*Σαυρομάτου*, или ...*Κότρος τοῦ Ἀσπούργου*)¹. Чем могло быть вызвано такое неожиданное вторжение военных мотивов в боспорскую монетную типологию? А. Н. Зограф высказал предположение, что выпуск царской монеты Левконом II не только преследовал цели стабилизации денежного обращения на Боспоре, но и «предназначался для оплаты каких-либо статей специфически царского бюджета» (ук. соч., стр. 183). Он исходил при этом из сравнения эмиссии монет Левкона со специальными военными выпусками крупной меди позднейшими царями Боспора, начиная с Митридата VI. Вышеприведенные типологические сопоставления подтверждают и конкретизируют это положение. Можно думать, что медная монета Левкона II в значительной мере предназначалась для оплаты военных расходов царя, прежде всего для содержания наемников. Свидетельства письменных источников показывают, что Левкон II был вынужден вести напряженную борьбу против Гераклеи Понтийской². В этой борьбе на стороне Левкона сражались и наемные войска и отряды, вероятно, союзных ему скифов. Из повествования Полиена ясно видно, что борьба стоила Левкону колоссальных усилий, напряжения всех людских и материальных ресурсов. Выпуск специальной царской монеты для оплаты военных расходов в таких условиях является вполне закономерным. Но для того чтобы эта монета пользовалась доверием на денежном рынке, недостаточно было снабдить ее новыми типами и чеканить ее от имени царя. Эта монета должна была быть полновесной и полноценной, в противовес деградировавшей городской меди, заполнявшей рынок и совершенно обесцененной. Поэтому крупные медные монеты Левкона в несколько раз превосходят по весу современные им пантикапейские монеты, сохраняют (по крайней мере в первое время) относительно устойчиво весовую норму и отличаются тщательностью и аккуратностью чеканки³. Левкону удалось добиться для своих денег устойчивого курса: неизвестно ни перечеканок, ни надчеканок на его монетах, не испытали они и той стилистической и весовой деградации, которая так характерна для всех предшествующих городских выпусков. Это обстоятельство позволило царской меди Левкона стать одним из факторов стабилизации денежного обращения на Боспоре.

Левкон II не мог ограничиться только выпуском медной монеты от собственного имени. Он, естественно, должен был принять какие-то

¹ Бурачков, ук. соч., табл. XXVII, 112, 121, XXVIII, 148, 150, 161; Зограф, ук. соч., стр. 198, табл. XLVI, 16, 17.

² Polyaeu., *Strategem.*, VI, 9, 2—4; ср. Ps.-Aristot., *Oekon.*, II, 2, 8. Разбор этих свидетельств см. Д. Б. Шелов, Феодосия, Гераклея и Спартокиды. ВДИ, 1950, № 3, стр. 172—173.

³ Ср. Зограф, ук. соч., стр. 182.

меры к тому, чтобы упорядочить и обращение городской медной монеты. К началу его правления денежный рынок Боспора был заполнен деградированной пантикапейской медью, выпущенной во время кризиса. Последним по времени выпуском этой меди являлись, как установлено А. Н. Зографом, крупные монеты с изображением головы Посейдона на одной стороне и проры на оборотной¹. Датируется эта серия на основании сопоставления изображений с подобными же типами македонских тетрадрахм с именем царя Антигона² серединой III в. до н. э. или самым началом третьей четверти этого столетия, т. е. выпуск их либо непосредственно предшествует воцарению Левкона II, либо относится к первым годам его правления. Рядом с этими крупными монетами имели хождение, вероятно, в качестве более мелких номиналов, еще ранее выпущенные монеты с изображением головы Аполлона и орла, головы Аполлона и треножника, головы сатира и лука со стрелой³. Совместное обращение всех этих монет засвидетельствовано совместной находкой их в кладе, найденном в Мирмекии⁴. Выпуская новую медную монету от своего имени, Левкон II обращает внимание и на городскую медь. Вероятно, с его реформой должно быть связано появление на крупных пантикапейских монетах с типами головы Посейдона и проры круглой надчеканки, изображающей голову Афины в коринфском шлеме⁵. Сравнение головы Афины на этих надчеканках с головой Афины на монетах среднего номинала царского выпуска позволяет высказать предположение, что надчеканки эти принадлежат тому же Левкону и что именно эту операцию наложения надчеканок на городскую монету следует скорее всего связать с рассказом Полиена (VI, 9, 1)⁶.

Если в рассказе Полиена, повидимому, правильно отразился самый факт перечеканки Левконом городской монеты, то объяснение этого факта у Полиена безусловно анекдотично. Совершенно невероятно, чтобы Левкон II, заботясь о стабилизации денежного обращения на Боспоре и выпустив с этой целью крупные медные монеты от имени царя, в то же время посредством надчеканки повысил, как говорит Полиен, вдвое номинальную стоимость городской меди. Такая операция привела бы только к тому, что эти надчеканенные пантикапейские монеты номинально стали бы дороже даже крупнейших монет царского выпуска и неизбежно подорвали бы доверие к царской монете, т. е. достигла бы результатов, противоположных тем, которые имел в виду Левкон, выпуская царскую медь

¹ Бурачков, ук. соч., табл. XXII, 153.

² Зограф, Античные монеты, стр. 179.

³ Бурачков, ук. соч., табл. XXII, 163—167; XIX, 51; XIX, 38; XXII, 161 Зограф, ук. соч., табл. XLI, 6, 8—11.

⁴ Зограф, Мирмекийский клад монет III в. до н. э., найденный в 1934 г., МИА IV (1941).

⁵ Бурачков, ук. соч., табл. XXII, 155, 157; Зограф, Античные монеты табл. XLI, 13.

⁶ См. Д. Б. Шелов, Пантикапейские монеты 3-й четверти III в. до н. э. с надчеканками, КСИИМК, XLIII. Можно думать, что глагол *μετακόπτο*, «перечеканять», употребленный Полиеном, не может служить препятствием для понимания мероприятия Левкона, как надчеканки, поскольку и перечеканка новым типом и надчеканка уже находящейся в обращении монеты в условиях денежного кризиса применялись часто с одной и той же целью; разница заключалась лишь в применении того технического приема; это подтверждается тем обстоятельством, что отдельные монеты одной и той же серии в III в. до н. э. подвергались то перечеканке новым типом то лишь наложением этого типа в виде небольшой контрмарки. Да и самая перечеканка часто производилась настолько небрежно, что новый тип занимал лишь часть монетного поля, представляя собой, таким образом, как бы увеличенную контрмарку наложенную на старый тип.

Надчеканивая пантикапейскую монету, Левкон мог преследовать цель либо подтвердить прежний курс этой монеты и предотвратить ее дальнейшее обесценивание, либо приравнять ее курс к курсу одного из номиналов выпущенной им царской меди. В пользу второго предположения, может быть, говорит совпадение типа надчеканки (голова Афины) с типом среднего номинала левконовских монет; вес пантикапейских монет с пророй примерно соответствует весу этого среднего номинала. Для суждения о том, в каких денежных единицах выражалась стоимость всех этих медных монет, нет решительно никаких данных, а проводить аналогию в весовом отношении между этими монетами Левкона II и позднейшими медными облами митридатовской и позднейших эпох было бы слишком рискованно¹.

Установить сразу курс городской монеты Левкону, видимо, не удалось: пришлось еще раз надчеканивать ее новым штемпелем с головой сатира². Но в целом реформа Левкона II достигла цели и принесла свои плоды: рассмотренные пантикапейские монеты с головой Посейдона и пророй являются последними свидетелями денежного кризиса на Боспоре. В последней трети III в. до н. э. осуществляется переход к нормальному биметаллизму серебра и меди, характеризующему денежное обращение Боспора во II—I вв. до н. э. Особое значение имеет выпуск, повидимому, еще на протяжении третьей четверти III в. первых после кризиса серебряных драхм и гемидрахм с изображением головы Аполлона на лицевой стороне и разными типами реверса³. Следует отметить, что целый ряд особенностей в чеканке этого серебра свидетельствует о неизжитых еще финансовых трудностях: чеканены эти монеты довольно небрежно, стиль изображений, плоскостной и расплывчатый, очень напоминает медные монеты середины III в. с изображением головы Аполлона и орла⁴. Но особенно показательны плохое качество металла и несколько пониженный вес этих монет по сравнению с теми же номиналами II в. Видимо, восстановление нормального денежного обращения давалось нелегко и не сразу можно было наладить выпуск полноценной серебряной монеты. Но уже серебряные пантикапейские тетрадрахмы с изображением пасущейся лошади, выпущенные в последней четверти III в., биты из высокопробного металла и сохраняют довольно точно нормальный вес⁵. Наладился во второй половине III в. и спокойный выпуск разменной медной монеты. Таким образом, можно утверждать, что к концу столетия были окончательно изжиты последствия денежного кризиса и закончился процесс восстановления нормального денежного обращения на Боспоре, начавшийся с реформы Левкона II.

Конечно, нормализация денежного обращения на Боспоре не явилась следствием только тех мероприятий Левкона II, о которых говорилось выше. Она была обусловлена гораздо более глубокими причинами и прежде всего теми сдвигами, которые произошли к этому времени в различных областях экономической жизни Боспора. В сфере собственно денежного

¹ Вообще твердое определение номиналов медной монеты в боспорской чеканке III в. вряд ли возможно, ввиду постоянного обесценивания монеты, весовой ее деградации и крайней небрежности чеканки. Это отмечал уже А. Н. Зограф, ук. соч. стр. 178. Поэтому в настоящей статье приходится оперировать главным образом типологическими, стилистическими и фактурными показателями, почти совершенно оставляя в стороне весовые данные или используя их лишь для самых приблизительных и грубых сопоставлений.

² Бурачков, ук. соч., табл. XXII, 154—156, 158.

³ Бурачков, ук. соч., табл. XX, 98, 99—100; XXI, 102; XXII, 145; Зограф, ук. соч., табл. XLI, 16—19.

⁴ Зограф, ук. соч., стр. 180.

⁵ Там же.

обращения значительную роль сыграло, повидимому, как предполагал А. Н. Зограф, широкое распространение на Боспоре золотых статеров лисимаховского типа, чеканившихся в различных центрах и главным образом в Византии (ук. соч., стр. 178). Выпуск собственной серебряной монеты, ставший возможным благодаря некоторому улучшению общей экономической ситуации, безусловно также содействовал и нормализации обращения меди на денежном рынке. Тем не менее выше разобранная деятельность Левкона II в области монетного дела представляет некоторый интерес. Левкон II, по замечанию В. Ф. Гайдукевича, относится к «совершенно неизвестным по своей деятельности правителям второй половины III в. до н. э.»¹. Рассмотренная история монетной чеканки проливает некоторый свет на события его царствования, а вместе с тем и на отдельные моменты экономической истории Боспора в III в. до н. э.

Монетная реформа Левкона II является переломным пунктом в развитии денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э. С момента проведения Левконом его мероприятий по чеканке монеты начинается упорядочивание монетной системы, пришедшей в расстройство за время кризиса, и нормализаций всего денежного обращения в стране. Тот факт, что Боспор смог своими силами преодолеть денежный кризис, что мероприятия боспорского правительства, среди которых не последнее место занимает и монетная реформа Левкона II, оказались достаточными для восстановления денежного обращения, показывает ошибочность довольно широко распространенного мнения о резко нисходящей линии развития экономики Боспора в III—II вв. до н. э. Развитая и упорядоченная денежная система Боспора конца III—II вв. до н. э. свидетельствует о том, что Боспорское государство этого времени являлось экономически мощным и вполне жизнеспособным организмом, и опровергает представление о III веке до н. э. как о времени начинающегося всеобщего упадка Боспора.

¹ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 78.